

РАССКАЗЫ

ДНЕВНИК ВООБРАЖАЕМОГО ПРЕЗИДЕНТА

День первый

Сегодня от нечего делать, глядя в окно, представлял, как я стал президентом: сам В. П. пожал руку и пожелал служить Отечеству. И я сразу начал служить: повысил пенсии в три, нет, в четыре раза, уволил всех чиновников, разогнал депутатских прихлебателей — не самих депутатов, а их помощников, сократил рабочий день до шести, ой, вру, до пяти часов, выдал беспроцентные кредиты малому бизнесу. Так, что еще? Ах да, самое главное — улучшил дороги и вот еще что (мне кажется, всем российским автолюбителям понравится моя затея): издал указ, что сотрудником ГИБДД может быть мужчина весом не более семидесяти килограмм, а если за год его вес увеличится более чем на три килограмма, то он тут же будет уволен с полной конфискацией имущества, а вырученные от конфискации деньги пойдут на улучшение улучшенных дорог. Кстати, этот указ можно бы применить и к чиновникам, но их я уже уволил. Полагаю, что надо вернуть чиновников, но предварительно каждого взвесить. Так, что же я еще могу сделать на посту президента? В общем, многое могу, но пока надоело управлять страной, пойду я лучше в футбол поиграю.

День второй

Сегодня решил продолжить президентскую службу, и вроде бы есть чем заняться в реале, но думаю, пять-десять минут фантазий не помешают моей обычной жизни. Итак, вчера я успел сделать много, за один день столько всего сотворил, а что же страна? После пятичасового рабочего дня народ вышел на улицы, чтобы поприветствовать меня и поблагодарить: какое множество моих портретов, с ума сойти, надо быть скромнее, в следующий раз не забыть запретить портретизм, а сегодня уж пусть радуются и благодарят меня, я это заслужил, они это заслужили, мы это заслужили. Хорошо-то как, возвышенно, прекрасно, может, еще сотворить что-нибудь такое-разэтакое?.. Ой, две девицы мне улыбаются, машут рукой, я им в ответ — вот те раз, фантазия растворилась в сознании, сбежав в подсознание, и я стою у окна и машу рукой. Кому? Прохожие подумают: вот чудака, они ведь не знают, что я только что был президентом.

Владимир Заморин родился в 1969 году в Ленинграде. Учился в ПТУ № 64 на судового повара. Служил в армии. Учился в Гуманитарном университете профсоюзов на кафедре режиссуры под руководством З. Я. Корогодского. Живет в Санкт-Петербурге.

День третий

Что ж, третий день служу Отечеству на посту президента, кажется, справляюсь: людям нравится — второй день ходят по улицам с моими портретами. Кстати, надо все-таки запретить портретизм, а то найдутся завистники, начнут говорить о моей мании величества, а какое я величество? Я сам из народа, я есмь народ, я все для народа, для него, родного, дорогого, любимого. Хорошо, с народом разобрались, надо и о себе подумать — решить квартирный вопрос, негоже руководить страной из коммуналки, нужно подыскать квартиру, такую, чтобы не стыдно было принимать в ней зарубежных гостей, министров, там, всяких разных. Ищем в Питере квартиру, хотя... президент должен жить в Москве, ой, как не хочется переезжать. Так, ладно, решено: возвращаем статус столицы Питеру. Если уж предыдущий президент Крым вернул (а это, извините, не хи-хи, это все-таки полуостров, почти остров), то Питеру вернуть столичность — пара пустяков, никто и не заметит. Царские палаты в Зимнем дворце мне не нужны, что я, император какой, а вот рядом с Эрмитажем квартирку было бы неплохо. На Мойке, у Зимней канавки, стоит желтый дом, в котором жил Собчак, по-моему, неплохой вариант. Прекрасно, сейчас вызову «Петровича», знаете, грузовички такие, перевозками занимаются, скарба у меня немного, одного «Петровича» достаточно. А вечером, бог даст, буду из окна разглядывать атлантов.

День четвертый

Четверг. За окном дождь, говорят: «Дождь в дорогу — хорошая примета». Может, уехать куда-нибудь, но куда я поеду, как я оставлю свой народ без себя, на мне за них лежит ответственность. Допустим, можно ли оставить домашних питомцев без присмотра: вот так уедешь на неделю, вернешься, а у тебя все углы в квартире изгажены, и все передохли от голода. Нет, нельзя оставлять народ без себя, пропадет он без меня, буду сидеть дома и смотреть в окно, на мраморных, темных Атлантов, на пасмурное небо столицы и вспоминать по строчке стихотворение Леонида Аронзона:

Печально как-то в Петербурге,
Посмотришь в небо — где оно?
Лишь лета нежилой каркас
Гостит в пустом моем лорнете.
Полулежу. Полулечу.
Кто там полудетит навстречу?
Друг другу в приоткрытый рот,
Кивком раскланявшись, влетаем.
Нет, даже ангела пером
Нельзя писать в такую пору:
«Деревья заперты на ключ,
Но листьев, листьев шум откуда?»

Стихи написаны летом шестьдесят девятого: быть может, именно в тот момент, когда перо водило по бумаге, родился я, а мама испытывала боль и радость (все рождается в этом мире с болью и радостью). Мне кажется, что когда является на свет новорожденный, обязательно где-то рядом или на краю земли какой-нибудь известный или безымянный поэт сочиняет стихотворение, не ведая, что

тем самым составляет верительную грамоту рожденному. Нет, сегодня буду сидеть дома, пить чай с малиновым вареньем, на донышке осталось; выпил бы водки, да денег нет. Что за жизнь: я президент большой, могущественной, богатой страны, а денег на водку нет. Завтра займусь финансовыми сбережениями, хотя нет, завтра надо подумать о семье и друзьях, надо их куда-нибудь пристроить, приобщить к общему делу, сколотить, так сказать, команду. Друзья просят решить их квартирные вопросы, помочь с трудоустройством — всем помогу, всех обеспечу, но завтра, сегодня идет дождь, и президент имеет право на печаль.

День пятый

Сегодня, как и планировал, займусь семьей и друзьями. Перво-наперво — дочь. Полагаю, она станет министром культуры, однозначно — она читала «Войну и мир» (даже я не читал), так что ей самое место в культуре; в нашей стране большая половина населения не читала роман-эпопею, но делает вид, что читала, а половина из большей половины нечитавших, но делавших вид, что читавших «Войну и мир», не может отличить Алексея Константиновича Толстого от Льва Николаевича Толстого, а Льва Николаевича Толстого от Алексея Николаевича Толстого, они (Толстые) для них (для половины из половины нечитавших) как одно существо, этакий Змей Горыныч. Ладно, дочь — министр культуры, решено. Теща, само собой, в губернаторы столицы, ежу понятно. Хваткая, умная, энергичная, круче Вальки будет. Теперь братья и сестры (двоюродные они мне, но как родные): старший, значит, епархию возглавит, он вроде как знает толк в религии, Кириллу надо будет потесниться: Бог дал, Бог взял, не мной заведено; среднего назначу министром машиностроения, у него водительские права есть, и в машинах он разбирается, а в министерстве и подавно разберется, что к чему и кому; младшенький, куда ж тебя сунуть, чтобы потом не пришлось вытаскивать, а вот станешь ты помощником своего брата, у тебя же тоже права есть; старшая сестра будет министром здравоохранения, у нее есть опыт работы медсестрой; у младшей сестры есть опыт работы с кассовым аппаратом, получается, министр торговли. Про троюродную племянницу не забыл — министр спорта, хватит мутить воду бывшему министру. Теперь друзья: А. В. — министр телерадиовещания, это понятно; Е. К. — спикер, как и обещал, дочь, уверен, сам пристроишь; у Р. Н. проблемы с ипотекой, а забей Р. Н. на ипотеку, теперь ты министр градостроительства; С. В. возглавит союз композиторов, мне нравится его музыка, душевная такая, хорошая музыка; С. С. станет министром МВД, теперь хулиганам не поздоровится, спуску не даст никому; Ю. З. министр иностранных дел, ты все-таки француз, хоть и ненастоящий, но в нашем узком кругу ты все-таки француз; у А. Л. вроде все в порядке, надо будет деньги тебе вернуть, но могу и место найти в министерстве, если надо; А. Т. возглавит реабилитационные центры, а то у нас там только настроение поднимают, а здоровье не возвращают; и самое главное, надо кому-то возглавить Центробанк, деньги должны находиться в руках, которым я доверяю, русского назначить нельзя — сопьется, нужен еврей, Б. А., придется тебе, понимаю, что ты творческий человек и хочешь стать великим режиссером, но надо, сам понимаешь, деньги, а жена, если что, тебе поможет, она у тебя толковая; О. К., раз уж ты в Москве обосновался, будешь губернатором нестоличного, обычного города...

Что-то я как-то подустал, не думал я, что назначение людей, даже близких, на руководящие должности — такое утомительное занятие, даже не хочется в окно выглянуть, посмотреть, как там народ, ходит ли с моими портретами. Нет, на сегодня все.

День шестой

Опять дождь, и, судя по небу, на весь день, но сегодня, как ни странно, нет печали на душе, наоборот, все внутри клокочет, свершений просит. Не пойму, с чего это. А-а-а, сегодня же суббота, а когда у народа выходной (а я есмь народ), для него любая погода хороша, лишь бы не работать. Кстати, о народе, как он там? Выгляну в окно, проверю... Хм, гуляет народ, даже в дождь гуляет, но вместо моих портретов в руках зонтики. Да, я помню, хотел отказаться от портретизма, но как я пойму, что правильно служу Отечеству, что народ меня любит, ценит, благодарит, — только по портретам. Если в каждой квартире, в каждом кабинете, в каждой руке гуляющего мой портрет, значит, я дорог народу, уважаем народом и делаю все правильно для народа. Надо наладить производство зонтов с моим портретом. Кому доверить столь важный государственный заказ (чтобы краска не расплывалась под каплями дождя и не уродовала мое красивое, мужественное лицо)? Знаю!!! Знаю кому!!! Ю. П. — виртуоз, мастер, Художник с большой буквы, а если справишься с заказом, возглавишь Союз художников. Решено. Ну, а я должен подумать над тем, как взбодрить народ, взбудоражить, усилить его любовь ко мне. Ладно, будем думать, а сегодня пусть гуляет народ под простыми зонтиками — без моего лица.

День седьмой

С народом надо что-то делать — выглянул в окно, а на улице никого, пустые улицы. Сперва подумал, может, телевизор смотрят, позвонил на электростанцию, в Сосновый Бор, в трубку крикнул: «Вырубай!!!» Теперь в столице нет света и телевидения, только газ, а людей все равно нет на улице, пустые улицы, как в кино, даже страшно как-то становится. Сволочи!!! Сидят, наверное, на своих кухнях с включенным газом и что-то замышляют, как пить дать, замышляют. Может, позвонить в «Газпром» и крикнуть: «Перекрывай!!!»? Нет, вентиль перекрывать нельзя, Европа может взбунтоваться, она же тоже на газе нашем сидит, хотя делает вид, что не сидит, но мы-то знаем, что сидит, ладно, пусть газ будет. Надо было еще вчера для народа что-нибудь сделать, а не откладывать великие свершения на сегодня. Все надо делать вчера, все вчера, а жить надо только сегодня (о, как сказал умно, надо сохранить в памяти — пригодится). Так чем будем будоражить народ, чтобы он вновь взялся за мои портреты как за иконы? Думай, президент, думай!.. Хм. А что если прибегнуть к средству всех времен и народов!? Как это я вчера не додумался, прекрасное средство для лечения народа — водка. Сейчас она стоит триста, четыреста, а то и восемьсот за пол-литра, а мы ее сделаем по восемьдесят восемь рублей. Нравятся мне две восьмерки: если их положить, то получится две бесконечности рядом, — это так романтично. Блеск!!! Ну, что?.. О-о-о, зашевелился народ, оживился, стал выстраивать километровые очереди у винно-водочных лабазов, и портреты мои мелькают в очередях. Хорошо! Главное, чтобы меру знали, завтра все-таки понедельник, хоть и пятичасовой рабочий день, но трудиться надо, и надо, чтобы остались силы портреты мои держать твердо в руках. Надеюсь и верю: народ знает меру. Я горжусь своим народом, я есмь народ, я горжусь собой.

День восьмой

Сегодня встал пораньше — и сразу к окну, чтобы посмотреть, как там народ после вчерашнего. Народ — молодец, знает меру, идет на работу, в каждой руке мой портрет, правда, многие перевернуты лицом вниз, но это они не со зла, видно, непривычные еще к бурным выходным, ничего, пообвыкнутся, четче будут держать шаг, руки не будут дрожать. Эх, хорошо, солнце ярко светит, на улице май, прекрасная пора. Народ идет на работу, надо бы и мне заняться служением Отечеству. Так с чего начнем?.. А не снять ли нам фильм про президента, и не документальный, а художественный, порадовать, так сказать, народ, а я бы мог в нем сыграть сам себя, я все-таки в прошлом актер, даже в сериалах снимался, приходилось играть бандитов и таджиков, вроде справлялся. И я не вижу в этом ничего зазорного, вопиющего, я же не собираюсь дирижировать оркестром и «калинку» танцевать, ни того ни другого я делать не умею, а в театре играл, незаметно, но играл. Ну, а если я себя сыграть не смогу, если вдруг с текстом сценарным не справлюсь, не смогу литературно говорить так, чтобы зритель поверил, то можно пригласить Безрукова, он хорошо играет гениев; я не в восторге, но народу нравится, а кино надо снимать для народа и приглашать на роли только тех актеров, которые любимы народом.

День девятый

Сегодня ни с того ни с сего захотелось полакомиться кильками пряного посола: что же, если я президент, то не могу возжелать обычных килек?! Конечно могу! Помню, в детстве, нарежешь свежий батон, намажешь сливочным маслом кусок, сверху килечку пряного посола и черный, крепко заваренный чай, сладкий-сладкий, кусаешь и запиваешь. Вот уж, воистину — лепота. А в отрочестве, когда я служил коком на гражданском судне, в полдник я делал себе божественный кильковый бутерброд и, запивая его чаем, любовался горизонтами морей. Был в моей недолгой морской жизни один замечательный рейс: наш сухогруз, загруженный под завязку сахаром в бельгийском порту города Антверпена, взял курс на далекий Иран, через Северное, Балтийское море, по Неве в Ладогу, из Ладоги в Волгу-матушку, по матушке до Каспия. Через пятнадцать дней мы вошли в порт иранского города Пехлеви, и вот в этом самом порту, можно сказать, на чужой планете, я встретился лицом к лицу с будущим министром спорта России (теперь уже бывшим, я его уволил и назначил свою троюродную племянницу). Его судно, нагруженное сахаром, тоже пришвартовалось в Пехлеви, и был он тогда обычный второй помощник механика, с обычным комсомольским карьерным взглядом на жизнь. Да, жизнь непредсказуема на встречи. Но вернемся к моему президентскому желанию отведать килек пряного посола. Никому ничего не говоря: ни своим личным поварам (их у меня пятеро — по итальянской кухне, по французской, по японской, по немецкой и по арабской), ни телохранителям (их у меня двадцать, на всякий случай), я улизнул от всех, выскочил на Миллионную и скоренько в супермаркет за заветной килькой. Захотелось пройтись одному по городу, свободно вздохнуть народным воздухом, побыть, как все, как один из народа. Конечно же, я воспользовался мерами предосторожности: чтобы меня никто не узнал, надел шляпу с полями и солнцезащитные очки и стал похож на народного мушкетера, который живет в том же доме, что и я, но, слава богу, у меня не было выдающихся усов, и во мне никого не признали. Зайдя в супермаркет, я направил-

ся к стеллажам с консервированной рыбой, ищу свою кильку: что за напасть, нет килек, то есть они есть, но все в томате. И тут мой взгляд остановился на помидорах, вернее сказать, не на них, а на ценнике, который кричал, что томаты стоят триста рублей. Я хотел вспомнить всех матерей, которых знал, упомянуть все органы, участвующие в деторождении, но вспомнил, что есть антимаховый закон, мной еще не отмененный, а надо бы. «Это что за аномалия такая — продавать помидоры за триста рублей, — это я выговаривал собравшимся по моему требованию предпринимателям, которые занимаются поставкой и продажей народу помидоров. — Вы что, с..., творите?» А они, глядя мне в глаза, спокойно отвечают: «Так ведь санкции». — «Санкции?! — повышаю голос я. — Да вы своими томатами всю кильку утопили. У вас санкции для народа, а на кильку санкции не распространяются! Так, что ли?» Молчат, в глаза уже не смотрят. В общем, я им сказал, чтобы завтра же помидоры стоили восемьдесят восемь рублей, и даже не стал им объяснять, почему именно восемьдесят восемь.

А килек пряного посола я так и не отведал, пришлось давиться шашлыком из осетрины.

День десятый

Не ожидал я такого бума на мое решение по помидорам, еще, чего доброго, назовут меня президент-помидор, прямо как в сказке Джанни Родари, но он писал о Синьоре Помидоре, который, если не изменяет память, был управляющим королевства, типа нашего премьер-министра, кстати, я ведь никого не назначил на должность премьера. А если разобраться, в принципе, зачем он мне, нет, правда, зачем мне партнер, я и сам справляюсь, без заместителя. А за окном народный бум: народ вышел на улицу с моими портретами, на которых у меня изо рта торчит помидор. Нехорошо это, надо бы поговорить с народом, объяснить, что мои портреты — это хорошо, а торчащий изо рта помидор — плохо. И я хотел выйти к народу, но потом вспомнил, что утром назначил на должность пресс-секретаря О. Р., женщину очаровательную, умную, томную, игривую и приятную во всех отношениях, вот пусть она и идет, объясняет народу, что такое хорошо и что такое плохо... А пока она ходила, я придумал, что нужно сделать, чтобы урезонить помидорный бум, — я решил все продукты, начиная от соли и заканчивая мясом, уравнивать в цене: пусть все стоит восемьдесят восемь рублей, и тогда я буду не президент-помидор, а дважды бесконечный президент, бесконечно-вечно молодой. Между прочим, я где-то слышал, что существует средство Макропулоса, эликсир молодости, его вроде как изобрели в Чехии, и микстура по рецепту продавалась в аптеках тем, кому за семьдесят, но потом в Чехию пришли фашисты и закрыли все аптеки, так как все фармацевты были не арийского происхождения. Надо выяснить, сохранилась ли формула, и если да, то любой ценой раздобыть ее.

День одиннадцатый

Вчера перед сном, по настоянию министра кинематографии, смотрел американский блокбастер «Падение Лондона», чтобы дать добро сценаристам так или примерно так выстраивать сюжетную коллизию в российском блокбастере обо мне. В общем, посмотрел я американское «Падение» и согласился с сюжетом: понравилось, что все главы государств погибают и остается только один (в нашем филь-

ме — я) вершитель судеб мира сего. Единственное, что не устроило в просмотренной кинокартине: президента (американского) спасает крутой телохранитель; по моему, в реальном мире так не бывает, чушь какая-то, а вот если я сам себя спасаю, то это может быть жизненной правдой. Я в юности занимался боксом, и хотя провел всего пять юношеских боев, но в трех одержал победу. Еще остался порох в пороховницах, и сегодня могу несколько раз ударить по боксерскому мешку. Поэтому писакам сказал: да, все главы погибают, остаюсь я, без телохранителя, один на один с врагами цивилизации. Эх, хорошо бы самому сняться в таком кино и получить все призы всех фестивалей, включая «Оскара» за лучшую мужскую роль первого плана. И тогда меня, может, не только в своей стране народ бы любил, но все народы мира возрадовались бы мне. Наверное, все-таки сам себя сыграю, сам снимусь, причем бесплатно: чего не сделаешь ради искусства, ради всемирной народной любви.

День двенадцатый

Вот уж никак не мог представить, что в моей прочной утопии возникнет брешь и корабль мечты с радужными парусами может пойти ко дну. Так все складно складывалось: я президент, народ меня любит, назначил родных и друзей на высокие должности, все довольны — и народ, и родственники, и друзья, и я. Хотел как лучше для всех, а друзья мне кинжал в спину — зарплату требуют: мол, мы на должности, а где оклад? И родственники к друзьям присоединились, а дочь изрекла: «Деньги не помешают». И как им объяснить, что денег в государстве нет и надо научиться жить без денег, а научившись жить без денег, легче будет жить с деньгами. Нет, какие-то деньги в закромах есть, но они для народа — чтобы народ мог покупать продукты и водку по восемьдесят восемь рублей. Думаете, я просто так, из любви к бесконечности, все цены подогнал под две восьмерки? Одна цена нужна для простоты расчета — чтобы не возиться с дебетом-кредитом; помню, как-то у меня была очень хорошая знакомая, очаровательная девушка (имени называть не буду: личная жизнь президента — это его личная жизнь, даже если она не укладывается в рамки гетеросексуального сознания), так вот, она была бухгалтер, и как-то ненароком я заглянул в ее бумаги: мама дорогая, у меня мозг закипел при виде такого скопления цифр. Бухгалтеры, они же как математики, как физики, бесконечность могут превратить в конечность, великие люди... Ах да, зарплата родственникам и друзьям. Как быть в ситуации, когда свои же могут мою фантазию исковеркать, а еще, не дай бог, навязать свою. Знаю, народ меня в обиду не даст, он за меня горой, но с родственниками и друзьями надо что-то делать, надо как-то замазать брешь в корабле с радужными парусами.

День тринадцатый

Да, как ни крути, а деньги нужны любому государству, даже такому утопическому, как мое, и не только для народа, а для внутренней экономики — мать ее за ногу; оказывается, они еще и для внешней экономики нужны — отец ее за обе ноги. Мне-то деньги не нужны, живу на всем готовеньком, но раз уж зашла речь о деньгах, то сегодня утром, вытираясь полотенцем после соляной ванны, я спросил очаровательную девушку из обслуживающего персонала, не придавая особого значения вопросу: «Зюнька, а сколько стоит это полотенце?» И она, как-то по-детски смущаясь, ответила: «Десять тысяч евро». — «Чего? — удивился я. — Оно же одно-

разовое». Но Зоя ничего не сказала мне в ответ, а стала как-то по-женски суетливо прибирать ванную комнату. «Ни хрена себе, — подумал я, — за какую-то одноразовую тряпку десять тысяч евро, как это возможно?» Согласен, полотенце шикарное: когда вытираешься, создается ощущение, что проваливаешься в бездну тишины и спокойствия. Каждая ворсинка будто гладит, щекочет, ласкает, и в воображении возникают картинки, картинки, картинки... Да, оно стоит десять тысяч, но почему полотенце одноразовое, это же не презерватив, его же постирать можно. А вечером, когда я принимал ванну, Галина из обслуживающего персонала сказала, что если полотенце использовать второй раз, то оно теряет свой эффект. Хорошо, пусть будет одноразовое полотенце за десять тысяч евро, пусть. И знаете, я более не стал расспрашивать обслуживающий персонал о цене того или иного предмета. Я убедился в том, что государству нужны деньги, большие деньги, чтобы у народа появилась возможность откладывать на черный день. А вдруг кто-нибудь решит на отложенные деньги приобрести мое одноразовое полотенце, а что, у народа будут деньги, а я устрою аукцион «Одноразовые президентские предметы быта», народу понравится затея, ему это в диковинку, а мне приятно.

Итак, государству нужны деньги, но вот вопрос: где их взять? Центробанк предложил запустить печатный станок и спокойноенько отпечатать двухсот- и двухтысячные купюры. Нет, не будем мы запускать станок, будем искать деньги в государстве, а где? Правильно, в банках. Банков у нас много, больше, чем заводов, вот у них и будем брать деньги на зарплату, на мелкие расходы, и народу, конечно, кое-что перепадет. Завтра созову всех главных банкиров.

День четырнадцатый

Ну что, созвал главных банкиров, а они не пришли, прислав вместо себя своих заместителей; у директоров, видите ли, неотложные дела (знаем мы эти дела — пузо зеркальное греть на Кипре). Сколько же этих замов набилось в Константиновском дворце — не продохнуть, вот уж никак не предполагал, что у каждого банкира по семь заместителей, прямо как трусы-неделька. У них даже на лице высвечивается день недели. Вот эти явно понедельники, от выходных еще не отошли; те черные, как вторники; у этих бровки домиком, губки бантиком — реальная среда; ни рыба ни мясо — четверги; с застывшей улыбкой на лице — пятницы; ну а блондинки — по субботам-воскресеньям. И что мне с этой компанией делать? Для начала решил пошутить — процитировал легендарного советского поэта: «Где деньги, Зин?», а они мне в ответ: «Чего?», даже не улыбнулись, кроме пятниц. Сволочи, считают, что их президент банка — главный начальник, а я для них пустое место, я по их наглым замовским глазам вижу, что они думают: «Подумаешь, президент выискался, выдумал в своей голове государство и думает, что он главный. А завтра найдется еще один дурак, который тоже выдумает свое государство и тоже будет с пеной у рта доказывать, что он главный». «А вот дудки вам, с..., врете, не пройдет, — это я выкрикнул замам. — С таким отношением ко мне банкам, а вам и подавно, в моем мире не выжить! Это понятно?» И как только я вытрубил свою тираду, тут же успокоился и выдвинул ультиматум: или я, или они — и потребовал, чтобы завтра же были оклады у моей команды, включая меня, по пятьдесят тысяч, нет, что я говорю, пятьдесят миллионов рублей в месяц, нет, в неделю, нет, все-таки в месяц, а мне лично недельные премиальные, вот. И о народе тоже не забыл — потребовал, чтобы с курсом доллара разобрались, а то скачет, как заяц, не успеваешь стабильностью насладиться. Так что с завтрашнего дня у всех нас начнется новая, счастливая жизнь.

День пятнадцатый

Как я вчера прижал денежных толстосумов, а? Так вот, вчера я их прижал к ногтю, а сегодня утром от каждого банка приехала «неделька» со своим банкоматом, я спрашиваю: «А зачем так много банкоматов?». А они в ответ: «Так это деньги перечислять». Они подумали, что каждый банк мне должен пятьдесят миллионов в месяц как зарплату. Вот из-за таких расточительных банков в стране денег и нет. Я им, значит, в ответ: «Я не могу позволить разорять свою страну своей зарплатой, достаточно одного банка, одной кредитной карты, одной зарплаты. Президент прежде всего должен думать о народе и о своем государстве». Представьте, сколько у меня было бы кредитных карт, я бы запутался, какую в какой вставлять. В общем, порешили: один банкомат, одна кредитная карта, одна зарплата, все довольны. Поначалу «недельки» растерялись, мол, чей банк возложит на себя великую миссию президентской зарплаты, ну, я тыкнул в первый попавшийся агрегат, мне-то какая разница, они все с одинаковым логотипом «банк», только цвета разные, я и выбрал синий, цвет моря. Хотели установить банкомат в гостиной, я запротестовал: «Нет, только не в гостиной, ходят тут всякие представители третьих миров, воры и бандиты, лучше ставьте в спальне, там надежнее». И вот когда банкомат установили в спальне и все ушли, а я остался один на один с агрегатом (в правой руке персональная карта, волнуясь, рука дрожит), подхожу к банкомату, вставляю карту, набираю пароль «президент», экран спрашивает: «Хотите проверить баланс? Хотите получить наличные?» Хотел было проглотить слюну, но во рту пересохло, и нужной слюны не оказалось, поэтому ответил экрану сухо: «Баланс». И на экране высветилась сумма... я заплакал: сдержали банкиры слово, я думал, обманут, сволочи, но нет, не обманули, ровно пятьдесят миллионов. Все-таки честные люди в банке работают, а значит, и доллар стабилизировали, банкирам можно верить, значит, и народ будет доволен.

А я сегодня поплачу от радости, а завтра подумаю, что можно купить за деньги.

День шестнадцатый

Пятьдесят миллионов, пятьдесят миллионов, а я спокоен. Раздать долги. Погасить кредит. Плюс-минус, останется сорок девять миллионов. Ага, сорок девять, и что можно купить за такие деньги? Квартира не нужна — на Мойке апартаменты. Машина за ненадобностью, прав все равно нет, а сдавать на права лень, еще билеты учить, без машины обойдусь, все равно возят в бронированном автомобиле туда, куда захочу. Может, яхту? И чего? Надо будет нанимать команду, один я не управлюсь на большой яхте. И что? Будет по палубе команда бегать, суетиться, а я чего буду делать, я что, для команды яхту покупал, что я буду на своей яхте как неприкасаемый. Ну, хорошо, дадут пару раз порулить, доверят штурвал, а дальше что: сиди в каюте, кури сигару, плюй в потолок, хорошая перспектива для президента. А может, вспомнить молодость, тряхнуть стариной и стать на яхте коком? Ну, нет, это не комильфо, не поймут, народ не поймет. Чего тогда? Чего купить-то? Деньги ведь нужны, чтобы их тратить, а получается, что не на что тратить — все есть. О-о-о!!! А может, сделать подарок, но кому? Все родственники и друзья пристроены, и у них самих на счете пятьдесят миллионов, даже дочери подарок не сделать, у нее тоже все есть. А через месяц еще упадет пятьдесят миллионов, не считая недельных премий, а я эти-то деньги не знаю, куда деть. Ладно, пусть лежат, копят, может, пригодятся, вдруг настанет черный день, допустим, конец света, вот сбережения

и понадобятся. Ведь ничего не будет, но что-то должно остаться, вон сколько фильмов со счастливым концом про постапокалиптическую жизнь: какая-то жизнь останется наверняка, все будет безумно дорого, это понятно, а тут я со своими миллионами, очень кстати. Да, буду сберегать деньги на черный день, и менять на другую валюту не буду, и народу посоветую этого не делать, после конца света свет будет гореть только для моего народа, в моем государстве.

День семнадцатый

Господи, в кои-то веки первого июня выдалась такая прекрасная погода. В такой яркий, солнечный день и детей приятно защищать, вопрос — от кого в моем государстве защищать детей; я детей люблю, а значит, и народ мой любит. Ладно, раз уж завели праздник, пусть будет, тем более погода хорошая. Все-таки не усидел дома, замаскировавшись, никому ничего не говоря, выскочил на Мойку, через капеллу на Невский, иду, дышу народным воздухом, хорошо. Заглядываю в глаза прохожим, которые идут без моего портрета, пытаюсь в их глазах найти оппозицию, вроде светлые глаза, умные, и зрачки не увеличены, понимаю: хоть и без моего портрета, но он свой; а то знаете, как бывает: вроде не оппозиционер, а зрачки по пять рублей, явно человек что-то замышляет, к чему-то готовится или уже приготовился, таких я не люблю, никогда не знаешь, что у такого на уме, и в сердце, и в крови. Я люблю светлые глаза, чистые, открытые, смотрящие гордо перед собой; такие глаза не предадут, не обманут, в пиджак за ножом не полезут, чужие юбки задирают не станут. Быть может, на днях издам указ, чтобы у всех были чистые, светлые глаза, с гордым взглядом, а всех с увеличенными зрачками, с лживым, раболепским взглядом, с поникшей головой — всех на лечение, а кто не желает лечиться, ариведерчи, границы открыты, живи в Европе или в Азии, хоть в Америке, твое дело, а в моем государстве только светлые глаза, только чистые. Может быть, к указу сделать приписку, чтобы глаза были у всех еще и голубые, красиво же, народ с голубыми глазами, у меня карие, пусть останутся, я все-таки президент, должен как-то отличаться от народа. Вот так, в размышлениях о глазах, дошел до Театра комедии, и моему взору предстал Катькин садик, с закаменевшей величественной императрицей в центре, окруженной преданными вассалами. Захотелось выпить пива, все-таки жарко. Сел под навес летнего кафе у ограды сада, заказал пиво, жду, достал пачку сигарет, закурил. И тут обращаю внимание на надпись на стуле напротив: «Чрезмерное употребление алкоголя вредит Вашему здоровью». Не придав значения надписи, продолжаю ждать пива, и тут (опять это — «тут») мой взгляд цепляется за надпись на пачке сигарет: «Курение убивает», и что-то во мне екнуло, что-то перевернулось. Принесли пиво, я стал с жадностью пить и размышлять: «Как же это так, вредит здоровью, а продают, убивает, а торгуют, есть в этом какая-то хитрость, патологическое вранье, это все равно что прочитать на прикладе «калаша»: «Минобороны предупреждает: выстрел из этого автомата может лишить жизни человека». Нет, что-то не сходится, что-то тут не так, какая-то катастрофическая игра жизни со смертью, протягивание руки-протеза утопающему. Я, признаюсь, запутался в своем размышлении, в чем именно, не понял, но явно в этих предупреждающих надписях сокрыта человеческая сущность, сакральная ложь. Не допив пиво, отправился на Миллионную, день был испорчен мыслями о бытии.

День восемнадцатый

Сегодня ни с того ни с сего решил окинуть президентским взором карту мира. Разложил ее в гостиной (восемь на четыре, площадь позволяет) и стал изучать раскинутый у моих ног мир. Помню, в детстве я с отцом играл в одну забавную игру: дома была маленькая брошюра с картами государств, папа обводил контур страны фломастером и спрашивал меня: «На что похоже?» И я, напрягая воображение, с радостью находил сходство. Россия, тогда еще СССР, была похожа на скачущего коня, перепрыгивающего с запада на восток, волоча за собой огромную мошонку. Индия была женщина, завернутая в сари. Италия — галантный сапог, а рядом плавал мяч (о. Сардиния), ждущий удара ногой. Югославия — взбирающийся к вершине верблюд. Китай — петух, но без клюва, клюв оттяпала Корея, Северная и Южная. В Африке, помню, самым выразительным государством был Чад с генеральской головой. Скандинавия (почему-то папа не отделял Швецию от Норвегии) была затаившимся перед прыжком тигром, алчущим проглотить добычу (Данию). Великобритания — гусеница в короне; Япония — морской конек, удирающий от скачущего коня. Центральная Европа — сплошные кляксы. США со своим множеством разноцветных штатов напоминали расфуфыренного павлина. И вот изучив карту мира сегодня, я понял, что, в общем-то, за десятки лет мало что изменилось в контурах государств. Все те же женщина в сари, сапог с мячом, надутый павлин, гусеница в короне, кляксы. Исчез, правда, верблюд, отрезана мошонка у коня — жизнь меняется, меняются-исчезают контуры государств, но что бы ни происходило в мире, в памяти навсегда останутся контурные линии, нарисованные папиным фломастером.

День девятнадцатый

Охренеть!!! Простите столь непристойное слово, которое мало кто использует в своем лексиконе, но оно самое приличное из всех, переполняющих мой речевой аппарат. Я отказываюсь в это верить, потому что этого не может быть. Сегодня получил сообщение от (кого бы вы думали, в жизни не угадаете) самого Дмитрия Анатольевича, который реальный премьер, не из моего воображения. Он пишет: «Здравствуйте, Владимир. Имел честь познакомиться с Вашим „Дневником воображаемого президента“. В нем много занятного, но мало внятного для руководства страны. В Вашем государстве все появляется, словно манна небесная. Конечно, в своем воображении Вы можете вести себя как угодно, но, бога ради, не уподобляйтесь несчастным, которые убеждены, что государством может управлять кухарка. Зная, что Вы в прошлом были коком, уверен, что сии мысли („Домохозяйку — в президенты“) Вас не вводят в заблуждение. Как человек читающий и любящий Пушкина, несмотря на утверждения некоторых моих коллег по кабинету, что Александр Сергеевич устарел, Вы, сами того не ведая, еще раз подтвердили мое убеждение, что „Пушкин, как всегда, он где-то рядом“. Я догадался, откуда у Вас появилась идея о „дневнике“ — из его „Воображаемого разговора с Александром I“. А ознакомившись с утопическими произведениями Кампанеллы и Мора, Вы решили погрузиться в философские рассуждения: что нужно сделать для того, чтобы было всем хорошо. Но мы прекрасно знаем, что лучшее — враг хорошего, и к тому же всем хорошо быть не может: существуют вселенские законы равновесия, которые при всем человеческом желании и могуществе нарушить невозможно; да и не тянете Вы на трибуна, возвещающего философские сентенции. Владимир, займитесь лучше более близким, знакомым Вам делом, Вы же актер (вроде как), вот

и играйте свои роли, но прошу Вас, умоляю как человека: не пишите всякую ахи-нею. Надеюсь, мы поняли друг друга».

Я в замешательстве, не могу собраться с мыслями, хотя одна, самая яростная, эгоистичная, гордая мысль пробивает себе дорогу через хаос недопонятого, невзвешенного сознания: мне нужен премьер-министр.

День двадцатый

Весь день провел в думах: где найти премьера, чтобы был умный, здоровый, честный, открытый, сердечный, благородный, без вредных привычек, красивый и чтобы был женщиной. Когда рядом с тобой красивая, умная, здоровая женщина — все лучше, чем с теми же достоинствами мужчина, но сомневаюсь, что такую женщину можно найти. Боюсь, что такая женщина, если и найдется, точно мне мозг вынесет, так просто, из женского принципа. Поэтому отложим женскую кандидатуру до лучших времен и будем думать о... А что если переманить реального премьера в свой мир: а что, у меня не хуже, зарплата, может, и поменьше, но жизнь на всем готовеньком, а если захочет, я его президентом сделаю. Решено, сейчас напишу ему, авось не откажется.

День двадцать первый

Авось не прокатил — нет ответа от премьера на предложение перебраться в мой мир и стать первым после меня. Что ж, буду без премьер-министра. А что, двадцать один день как-то руководил государством, справлялся, чего я вдруг захотел первого министра? Обойдусь, возьму ответственность на себя: мое государство, мой народ, и ответственность за все тоже моя. А вообще, мне надо расширять политический кругозор, а не заниматься поиском новых друзей, надо посмотреть, послушать, узнать, что делается в соседних государствах, как они там живут, чем дышат, что едят, с кем спят. Сегодня посмотрю информационную программу с Дмитрием Киселевым, который всю матку-правду выложит про то, что делается там, и про то, что делается у нас. Что ж, посмотрим, посмотрим.

День двадцать второй (судный день)

Молодец Дима, удивил, ничего не скажешь. Во-первых, холеностью; во-вторых, вкрадчивым толкованием, что такое хорошо и что такое плохо. Политик Эрдоган — это плохо; канцлер Меркель — это тоже плохо, что бы она ни делала, что бы она ни говорила; Путин — всегда хорошо; президент Олланд — тоже, в общем, плохо; депутат Савченко — очень плохо; небо Крыма — хорошо, а Ходорковский — очень, очень плохо; Клинтон—Трамп — совсем уж плохо, а мультфильмы — хорошо, ну, это не ново; стритрейсеры — безумно плохо; и, в завершение, Республика Тыва — это очень хорошо. Да, конечно, указать, где что лежит и как это использовать, имеет право любая говорящая голова с экрана, и субъективных претензий быть не должно, тем более к тому, кто все равно тебя не слышит. Нет, «Вести» — это не картина мира, это плоский экран, с плоской информацией, и каждый должен сам для себя решить, оставлять ли ему взгляд на жизнь упрощенным или попытаться выплюнуть безвкусную жевательную резинку. С каждым днем я понимаю,

что воображаемая игра в президента заставляет меня задумываться не о народе, не о благах для себя и своих родных и близких, а о себе самом, как человеке, который здесь и сейчас, один на один с самим собой, со всем миром, со всей вселенной.

ВЗГЛЯД ИДИОТА

Взгляд первый. Взгляд идиота

Дня три назад посмотрел маленький фрагмент, всего три минутки, одного российского сериала, поэтому не имею права говорить обо всем телевизионном проекте, ведь по пальцу нельзя судить о человеке, можно многое о нем узнать по пальцу, но не более. Поэтому о фрагменте. За эти три минуты я увидел сцену в трактире. Время повествования — десятилетия прошлого века, в общем, до революции. Сидят посетители, пьют, едят, разговаривают; вокруг них кружит половой (так в старину называли трактирного слугу, вроде нашего официанта), зализанный, угодливый, услужливый, скользкий, противный, сразу понятно — сволочь. То есть по одному пальцу я узнал о человеке все. И вот специально зашел в кабак, не бухать, а выпить чашечку кофе и понаблюдать за официантами. Сажу, пью кофе, наблюдаю: нормальные ребята, мальчишки и девчонки, понятно, кто-то из них порядочная сволочь, но ни у кого на лбу это не написано. Вы скажете: «Другие времена, другие нравы и люди». А я вам отвечу: «Чушь!» Да, меняется мода, деньги, политический строй, но люди остаются людьми со своими неизменными заботами и проблемами. Если, допустим, человека лишить забот и проблем, вот тогда, может быть, что-то изменится в душе человечества, тогда, я думаю, и Бог не нужен будет. Лет пять назад я оказался на студенческом спектакле «Идиот». Милые студенты играли милое произведение «мило». Главный герой романа князь Мышкин после недельного путешествия в поезде из Швейцарии в Россию, сразу с поезда, отправляется в дом генерала Епанчина. Уверен, многие из вас пользовались услугами РЖД и, может быть, даже отправлялись в дальние поездки, после которых были вымученными, грязными и вонючими. Вот и князь, грязный, вонючий, в коротких брючках, тонком пальтишке (а на улице не май), — в доме у генерала, дальнего родственника, через третье колено. Мышкина принимают, генерал находит князя занятым и в чем-то полезным. Епанчин приглашает Льва Николаевича — это имя-отчество князя — к столу, за которым Мышкин знакомится с тремя дочерьми генерала. И вот тут начинается милое студенческое «мило». Маленькая справка о генерале: «Генерал Епанчин жил в собственном своем доме, несколько в стороне от Литейной, к Спасу Преображения. Кроме этого (превосходного) дома, пять шестых которого отдавались в наем, генерал Епанчин имел еще огромный дом на Садовой, приносящий тоже чрезвычайный доход. Кроме этих двух домов, у него было под самым Петербургом весьма выгодное и значительное поместье; была еще в Петербургском уезде какая-то фабрика. В старину генерал Епанчин, как всем известно было, участвовал в откупах. Ныне он участвовал и имел весьма значительный голос в некоторых солидных акционерных компаниях. Слыл он человеком с большими деньгами, с большими занятиями и с большими связями». А теперь перенеситесь в наше время. Узнаёте сегодняшнего бизнесмена, бывшего генерала? А его дочерей можете представить? Три сестры. Молодые, красивые, у каждой машина, явно не «лада», окончили МГИМО, возможно, втихую сидят на «коксе». И вот к ним зава-

ливается родственник, грязный, вонючий, ничтожный, — первая реакция? Наверняка не умиление. Теперь вернемся в дом Епанчина и представим, что должно было происходить: в процессе общения и некоторого отвращения к гостю девицы понимают (не дуры ведь), что унижаются сами, пытаются ерничать над гостем, и чем больше они пытаются выказывать себя, свой ум, свою проницательность, свою красоту, тем ничтожнее они выглядят на фоне князя, его простого понимания жизни, чувств, правды, — ведь все простое от Бога. А в студенческом спектакле почему-то здоровые, красивые, богатые, избалованные, вздорные сестры сразу сближаются с «идиотом», чуть ли не целоваться лезут. Вы скажете: «Тогда другие были девушки, другое воспитание». А я отвечу: «Чушь!» Не надо судить людей по пальцу и придумывать, что раньше жили другие люди, лучше нас, а в будущем будут жить еще лучше! Во все времена мы будем оставаться людьми, со всеми вытекающими из этого последствиями. Так что не надо. Да, и еще. В свое время Федор Михайлович Достоевский записал в дневнике о духовном состоянии общества: «Все немного пьяны». И вот прошло более ста лет, а общество так и не протрезвело, вот такой вот взгляд идиота.

Взгляд второй. Вчера

Я очень хорошо помню завтрашний день, во всех подробностях: как я проснулся, сварил в турке кофе, который сбежал, потому что я смотрел в окно и наблюдал за красной машиной, выезжающей из двора; не могу вспомнить, что привлекло меня в этом обычном утреннем действии автомобиля, ах да, цвет, красный на сером фоне, кровь на асфальте, картина Гелия Коржева «Поднимающий знамя»; стал вспоминать, в каком музее она выставлена, кажется, в Русском, — и тут сбежал кофе, но остатков хватило, чтобы взбодриться и проснуться окончательно. Помню, как, уходя, закрывал входную дверь: ключ меня не слушался и не хотел проворачиваться в замке, в конце концов ключ поддался моему натиску, и замок закрыл дверь до вечера. Улица. Остановка. Теплый декабрьский ветер. Ранняя весна. Троллейбус. Я сел в конце салона и дождался кондуктора, я надеялся на счастливый билетик, и я его купил, решил сразу не есть, оставить на вечер, съем счастье, запивая чаем. Финляндский вокзал. Справа — фонтаны, скрывающие Ленина, слева — здание, скрывающее паровоз Ленина; я остановился, да, остановился посреди дороги, но светофор позволял мне задержаться на трамвайных путях; я подумал, что это: почему за сегодняшний день уже третий раз нездоровая красная тема, лучше сменить: чтобы не думать о красном, нужно представить другой цвет, но все всплывающие в воображении цвета тоже подпортили свою репутацию в радужном спектре; на светофоре зажегся желтый свет: бежать, я побежал к тротуару. Через две минуты (успел сосчитать до ста двадцати, чтобы не думать о красном) я покупал билет на электричку, а еще через триста шестьдесят восемь счетов сидел в четвертом вагоне, у окна по центру. Я расстегнул рюкзак и достал чтиво: Карлос Кастанеда «Искусство сновидения». Я хорошо помню завтрашний день, во всех подробностях, но совсем не представляю, что будет вчера.

Взгляд третий. Рисунок

Будто натирая на терке морковь, долго штрихуется синим карандашом небо, затем, на другой половине листка, так же натираем зеленым — траву; верх и низ

рисунка есть, между ними белая полоса, на которой можно нарисовать все что душе угодно: родителей, дом, дерево, друзей, машину, школу, самолет, танк — выбор велик; все, что пожелаешь, ты можешь нарисовать на волшебной белой полосе, черной полосы не будет. Полоса большая, и на ней может поместиться целый мир, твой мир, в любых цветах. Что же ты? Вот цветные карандаши. Черной полосы не будет. Это твой рисунок.

Взгляд четвертый. Подвиг

Давно я так рано не просыпался, видимо, это из-за грустного, пасмурного неба, которое наконец-то прояснилось, и июльское солнце заглянуло ко мне в окно. Из-за раннего пробуждения захотелось что-то сделать, что-то грандиозное. «А не совершить ли мне подвиг». В квартире нет места подвигу, и я ринулся на улицу. Редкие прохожие, щебечущие птицы, застывшие машины, как говорится, тишь да гладь, Божья благодать. Кому нужен мой подвиг? «Ну и ладно», — подумал я и встал на голову. Да, да, так всегда бывает: если не совершаешь подвиг, то совершаешь глупость. И вот стою я на голове и понимаю страшную вещь: все, ну правда, все — и одинокие прохожие, и щебечущие птицы, и застывшие машины — все они хотят оторваться от земли и больше никогда не возвращаться на нее. Вверх ногами это ясно видно. Но земля, как маленький ребенок, ухватившийся за свои игрушки, грозно оберегает их. «Мое. Никому не дам». Может быть, когда земля повзрослеет, она даст нас кому-нибудь еще поиграть, тем самым совершив свой подвиг.

Взгляд пятый. Культура

Уступил место в транспорте; высморкался на улице в бумажный платок, урн нет — сложил сопливую салфетку, спрятал в карман, дома выброшу в мусорное ведро; попросили огоньку — дал прикурить; машин нет, горит красный свет, жду зеленый; захожу в магазин, здороваюсь с продавщицей, покупаю две бутылки водки, благодарю; захожу в подъезд, желаю доброго дня соседу по квартире, открываю дверь — я дома; выкидываю использованный бумажный платок в унитаз, спускаю за собой, мою руки с мылом, вытираю махровым полотенцем каждый пальчик на руке; откручиваю крышку у первой бутылки водки, включаю телевизор, канал «Культура».

Взгляд шестой. Ноябрь

Настоящий месяц осени, когда не хочется просыпаться, потому что снятся красочные сны, а если уж проснулся, то вставать из разгоряченной снами постели лень, а если уж встал, то первым делом включить чайник или заварить в турке кофе, но только не смотреть в окно, не разочаровывать себя панорамой настоящей питерской осени; сесть на диван или в кресло, можно на стул или табуретку, но обязательно сесть, пить горячий чай или кофе с привкусом уюта. На улицу? Нет, не сейчас: выйти на улицу — это как встать с постели, но этот шаг еще сложнее, он грозит разрушить последние ощущения комфорта, но... надо, хотя именно осенью это «надо» хочется забыть и не вспоминать его если не до весны, то, по крайней мере, до мороза и солнца, когда день чудесный. И вот ты на улице, никуда не денешься — серое

небо, серые дома, серые деревья, серая дорога, серые машины, люди тоже серые, идущая навстречу девушка улыбнулась, нет, не мне, конечно, а моей серости: она никогда не видела такого серого человека, как я, а я от ее улыбки покраснел, стало стыдно, что я такой серый. Но если я покраснел, то уже не серый, и все вокруг покраснело со стыда и тоже перестало быть серым. Стыдно быть серым, даже когда настоящая осень, когда ноябрь.

Взгляд седьмой. Герой

Принято считать, что герои — это Личности с большой буквы: всегда впереди, всегда на белом коне и всегда грудь в орденах. Не знаю, наверное, это так, но вчера я видел геройский поступок, конечно, в моем понимании. На улице проходящий мимо юноша бросил окурок в урну, но промахнулся: на ходу нелегко попасть в мусорную корзину; так юноша вернулся к окурку, подобрал его и, чтобы во второй раз не промазать, аккуратно опустил его в урну, а вокруг было много людей, и никто не заметил ни мимо летящий окурок, ни последовавших действий юноши. И вроде не на белом коне, а в белых кроссовках, и грудь не в орденах, а по-юношески впалая; я бы не решился на такой поступок, а он, по-моему, герой.

Взгляд восьмой. Солнце

На улице пасмурно, но у меня есть ножницы и желтый картон; вырежу солнце и повешу его — меня не запугать непогодой. Вырезал солнце, теперь надо понять, куда бы его повесить. На оконное стекло — клей канцелярский китайский, не держит; прибить к стене — гвозди столярные китайские, гнутся. Пошел в магазин, купил мольберт, мольберт оказался китайским: устойчивости никакой, ножки не по-детски раздвигаются... Незаметно прошел пасмурный день — в поисках, куда бы пристроить солнце.

Взгляд девятый. Приключение

О приключение! Как ты прекрасно и загадочно, ты рождаешься из ничего и зачастую умираешь в пустоте. Ты — возбуждающее ощущение, когда мурашки по коже и когда голова не дружит с сердцем, у тебя нет преград и очень много соратников: глупость, удача, отчаянность, отвага, напористость, бескомпромиссность, бескорыстность; не меньше у тебя и врагов: глупость, невезение, надежда, трусость, лень, компромисс, зависть. Ты преследуешь нас на протяжении всей жизни, в любом возрасте, и дело не в том, готовы ли мы прыгнуть с парашютом или пойти в булочную за хлебом: и в первом и во втором случае важна готовность к безрассудности, которая нас губит или делает нас героями; ты словно путешествие на необитаемый остров, где нас ждет безвестность, на которую, быть может, не каждый из нас может решиться. Приключение, ты — вызов судьбе, и в этом твоя сила и отличие от путешествия, которое более прагматично и более комфортно. Если путешествие — это осанна народу, то хвала личности — это ты, приключение!

Взгляд десятый. Фонарь

Улица пустынна, ночь, в аптеку мне не надо — нет нужды; прохожу мимо всего, что в эту ночь не греет; метро закрыто; есть ключ от домофона, но он под-

ходит только к моей двери в парадную, для москвичей, чтобы им было понятно — в подъезд, но какое мне дело до москвичей, я в Питере, и меня окутала ночь, пронзительно-родная, зимняя дождливая ночь. Впереди группа мальчишек, хотя, конечно, им кажется, что они уже мужчины, они пытаются всем своим видом доказать причастность к мужскому полу, мне все равно, спрашивают, который час, смотрю на часы, три ночи, через час будет утро, говорю ребятам об утре — смеются; не понимают, что утро — это лучше, чем ночь, а я это понимаю, и поэтому, когда они убегают, я пытаюсь подняться, хватаясь за столб, а когда я все-таки встаю на ноги, я вижу вверху свет фонаря — ты мое солнце, а утром, заглядывая в зеркало, понимаю, что мне не светит мой фонарь.

Взгляд одиннадцатый. Снег

Создавалось ощущение, что щека, соприкасаясь с белым покрывом, отмерла, но это было не так, мертвым было все тело. Кровь больше не циркулировала по замкнутой системе сосудов, так как сердце утратило ритм сокращений, и только мозг еще продолжал действовать, вырисовывая на внутреннем экране видения — яркие картины детства: большая зеленая елка, круглые серебряные шары, золотой дождь, мама, Дед Мороз с большим красным носом, юная Снегурочка с красивой жемчужной улыбкой и девочка в синем платье, как же ее зовут, хочется к ней подойти и спросить, но ноги не слушаются: мое сердце утратило ритм сокращений, и мозг мой об этом знает, но не выдает страшную тайну — о том, что меня больше нет; он боится меня напугать (нельзя умирать в страхе), а потому вырисовывает картины на внутреннем экране до тех пор, пока я не обретаю покой, и только тогда я вижу белый покров — я превращаюсь в снег.

Взгляд двенадцатый. Розы

Белые хлопья снега, соприкасаясь с серым асфальтом, моментально тают. Серое небо, серый асфальт, а между ними пелена белых хлопьев. Город превратился в черно-белое кино, а его обитатели — в массовку: фильм снимается одним дублем. Вот вдалеке идет главный герой, на уровне груди у него красное пятно, он очень далеко, поэтому сложно понять, что на черно-белом фоне так ярко выделяется — кровь? Нет, с его приближением кровь обретает форму цветов: розы. Большой яркий букет в черно-белом кино шокирует массовку — многие останавливаются, кто-то провожает жадным взглядом злости, зависти, радости, любви; главный герой невозмутим, он знает, что не вписывается в формат сегодняшнего кино, хотя и одет, как положено — в черные одежды с белым шарфом, но красные розы — задумка Режиссера? — только не сегодня, фильм снимается одним дублем. Поздно, фильм снят, завтра будет другой съемочный день, другая массовка, другой главный герой — таких фильмов снимается множество, каждый день, и все они разные, но сегодняшний съемочный день запомнят потому, что сегодня в черно-белом кино у главного героя яркая кровь превратилась в красные розы.

Взгляд тринадцатый. Роль

Психологи уже давно нашли объяснение словам Шекспира, что «весь мир — театр, в нем женщины, мужчины — все актеры». Да, «мы все лицедействуем», как сказал, задолго до англичанина, римский писатель Петроний. Мы играем с самого раннего детства: девочки — с куклами, примеряя на себя роль матери, мальчики —

с солдатиками, представляя себя генералами. Когда мы вырастем, наши роли станут более социальными, более практическими: «дочь», «друг», «хулиган», «пай-мальчик», «ябеда» и т. д. и т. п. Затем роли делаются все серьезнее, все ответственнее: «возлюбленный», «влюбленная», «муж», «жена», «подчиненный», «начальник», «праведник», «оппозиционер» и т. д. и т. п. Ролей так много, что все не перечислить. И отыграв какую-то жизненную «сцену», оказавшись наедине с собой, «в гримерке», мы чувствуем душевное опустошение, вероятно, потому, что очень плохо сыграли выбранную роль или, скорее всего, играли чужую.

Взгляд четырнадцатый. Лето

Смотрел вслед уходящему лету. Дорогому, жаркому, любимому, светлому, коварному, яблочному, печальному, радостному, душному, бездушному. Лето, мы с тобой никогда больше не увидимся, ведь через год ты будешь другим летом, и я буду другим. Ты уходишь, оставляешь меня одного наедине с грустной осенью, невнятной зимой и цветущей весной, я постараюсь пережить эти мучительные месяцы и дожждаться солнечного летнего утра. А сейчас просто оглянись, посмотри на меня, скажи «прощай», а лучше «до свидания», мне все равно, только обернись, прошу тебя! Ну вот и ладно. Я загадал: если обернешься, у нас еще будет бабье лето.

Взгляд пятнадцатый. Надежда

Самое лучшее, что нас ждет, — это надежда на лучшее. Завтрашний день может быть намного интереснее сегодняшнего, а вчерашний, вероятно, был насыщеннее сегодняшнего. Я знаю, сегодня уже не произойдет ничего из того, что я наметил вчера, может быть, завтра. Помню, в детстве я таскал из бабушкиного шкафа конфеты, которые лежали в грубом целлофановом пакете, их было так много, что я был уверен: если съедать по одной конфете в день, то они никогда не закончатся. Но, увы, настал день, когда я съедал последнюю конфету и сладкая жизнь заканчивалась. Как это похоже на жизнь: дни, словно сладкие конфеты, съедаются и в конце концов заканчиваются, оставляя обертки прожитых будней, оставляя нас наедине с тем, что умирает последним, а это, как известно, — надежда.

Взгляд шестнадцатый. Новости

Начал читать Гоголя и заснул, проснулся, подумал: что это я; стал читать Толстого и снова заснул, проснулся: да что это со мной такое; взялся за Достоевского, да, да, опять заснул и опять проснулся: может, съел что-нибудь не то, и не пил вроде; включил телевизор, стал смотреть новости и тогда окончательно проснулся. Придут же такие новости.

Взгляд семнадцатый. Обман

В репертуаре Владимира Кузьмина есть песня «Спортлото». Всю свою сознательную жизнь, слушая эту песню, я слышал в припеве слова: «Снова я рисую, я играю в спортлото», и только вчера расслышал, что в припеве не «рисую», а «рискую», вроде бы, подумаешь, одну букву не расслышал, но из-за этой буквы пропала поэтичность этой, как мне казалось, своеобразной песни. Одно дело, когда ты рисуешь не только крестики, но и еще что-то себе фантазируешь, вырисовываешь: что будет, если выиграешь в лотерею, какая начнется замечательная жизнь,

как все вокруг изменится, и ты сам изменишься (что, конечно же, самообман: деньги, как и власть, не меняют человека, а лишь ярче проявляют его сущность); и другое дело, когда ты рискуешь, как обычно, в общем-то, банально, как всегда. И быть может, я так же не могу «расслышать» человека, облекая его в те черты, которых у него нет, и с которым я общаюсь так, как себе его представляю, а он мне отвечает тем же — общается со своим надуманным мною. Сложно «расслышать» человека, когда ты слышишь его ошибочно, не задумываясь о своей глухоте, а когда приходит осознание того, что он не тот, каким он тебе казался, ты уличаешь его во лжи, в которой он не виновен, и он в ответ обвиняет тебя в том же. В поисках настоящего в других мы порой забываем о своей подлинной сущности, а значит, сами порождаем то, что называется обман.

Взгляд восемнадцатый. Свидание

Созвонились. Договорились. Глажу брюки, рубашка на очереди, утюг старый, доморощенный, еще советский, успел отгладить штанину, на второй утюг сдох, мятая рубашка, что с ней делать, ладно, надел куртку на голое тело. Ну встретились, гуляем (театр, кино, ресторан отпадают), катаемся в метро, рассказываю о ветках подземки, о старых и новых станциях, в честь кого и чего названы, заболтался — стало жарко, забыл про рубашку, которой нет, расстегнул куртку, она подумала, что я извращенец, стал оправдываться, рассказал про смерть советского утюга, не верит, спрашивает, что такое советский, я объясняю, еще больше не верит, фыркнула и вышла из вагона, а я остался и поехал домой, решив больше юных девиц не приглашать на свидание.

Взгляд девятнадцатый. Настроение

Очень легко, непринужденно можно передать свое плохое настроение окружающим тебя незнакомым людям. Вот идешь, допустим, по улице, настроение такое скверное, что хочется с кем-нибудь поделиться. Навстречу идет неважно кто — прохожий, ты скажешь про себя, не вслух что-нибудь такое, и настроение передалось: если идет старушка или старичок, то про себя говоришь: «Да, пора помирать», — настроение передано; если идет девушка-женщина, то произносишь фразу о легкости поведения в нецензурной форме, и вроде бы ни о ком, но тебя услышали, подхватили твое настроение. С мужчинами проще: достаточно просто взглянуть в глаза незнакомца, поймать его взгляд и про себя (вслух опасно) произнести презрительно: «Гнида» — сработало. В переполненном транспорте тоже хорошо передавать свое плохое настроение: когда начинаешь исподтишка подталкивать пассажира, давая ему понять, что тебе надо выходить, но сам не выходишь, стоишь на месте, пассажир повернется, посмотрит на тебя, удивится, начнет думать и незаметно для себя менять свое настроение. С хорошим настроением все намного сложнее — вот его передать, поделиться им с незнакомыми людьми почти невозможно. Начнешь петь что-нибудь веселое, современное, ходовое, а прохожие только морщатся; скажешь доброе слово встречному — он прибавляет шаг, опасаясь, что после комплимента ты предложишь ему Библию; начнешь улыбаться пассажирам в транспорте — все шарахаются, как от больного, даже от помощи отказываются: место уступил — надменно не садятся; подаешь руку на выходе из салона — осуждающе игнорируют. Да, тяжело поделиться хорошим настроением с окружающими незнакомыми людьми. Хорошо, что есть близкие и друзья, которым можно его подарить.

Взгляд двадцатый. Скидка

Когда в стране все стабильно, то никакие скидки ни на что не нужны: в самом деле, зачем? Допустим, нужен человеку автомобиль с многоцилиндровым двигателем — пожалуйста, вот ваш «кадиллак», и никаких скидок. А другому импонирует самокат, и ему без скидок средство передвижения. Но это когда в стране все хорошо. А если нет, то скидки необходимы: скидка на совесть, скидка на верность, скидка на любовь. Трудно быть честным на все сто процентов, когда в стране доллар дорожает; поэтому пятьдесят процентов честности вычитаем, чтобы прокормить семью. Невозможно быть верным своему делу на сто процентов: как можно, если завтра твое дело сгорит или утонет, — надо своему делу отдавать сорок процентов, а шестьдесят бросить на поиски нового занятия, которое вскорости понадобится. С любовью вообще запутаться можно — кому сколько процентов выделять: конечно, сто процентов любви должны принадлежать любимому, дорогому, быть может, верному, хотя бы на семьдесят процентов, — но он... безработный и уже целый год не может найти работу, и процентность любви как-то незаметно снижается и разбазаривается: туда пять, сюда десять, а вчера аж двадцать процентов оставила в гостях. Ну куда это годится, когда в стране нестабильность и не все хорошо, а ведь так хочется, чтобы жизнь не знала, что такое скидка.

Взгляд двадцать первый. Стремянка

Есть множество способов быть выше других: за счет положения в обществе, достижений в спорте, в искусстве, за счет крупных счетов в банке. Из всего перечисленного я не могу похвастаться ничем. В каком-то смысле я ноль без палочки, но я нашел для себя оптимальный способ возвыситься над другими (всегда можно найти возможность быть выше других): купил стремянку, обычную рабочую стремянку. Раздвинул, залез — и ты на вершине; наслаждался величием — сложил и пошел дальше. Удобно, практично, оптимально. Тяжеловатое, конечно, приспособление для величия, неудобно всегда с собой таскать, но вот сегодня купил китайскую стремянку — очень легкая, очень высокая, очень хорошая.

Взгляд двадцать второй. Вовремя

Не понимаю, почему? Почему всё, буквально всё не вовремя? Счет за квартиру приходит тогда, когда денег уже нет; отключают горячую воду именно тогда, когда тебе срочно нужно принять душ; встречаешь и влюбляешься в единственную и неповторимую женщину твоей жизни — когда ты уже женат и у тебя трое детей; увольняют с работы, когда кредиты душат со всех сторон, — всё не вовремя. Доллар подпрыгивает не вовремя, зима приходит не вовремя, жизнь проходит не вовремя. «Счастливые часов не наблюдают» — ха! счастья нет и не будет, пока все происходит не вовремя. Не понимаю, кто устраивает эти временные ловушки? Бог? Не думаю: делать Ему больше нечего, да и в Его понятиях времени нет, время придумали люди. А что это значит? Да-да, именно во всем виноваты мы, люди, мы сами! А раз так, друзья, давайте как-нибудь организуемся, что ли, чтобы все у нас было вовремя: дети рождались вовремя, зарплату повышали вовремя, влюблялись вовремя, уступали дорогу вовремя, ругались, мирились, все вовремя — всему свое время, и тогда наверняка мы будем счастливы, потому что все будет вовремя.